

технологии, модели и т.д. станут реально востребованными. (Именно этого недостаёт многим уже готовым и выполняемым диссертационным работам.) В таком случае аспирант будет озабочен не только формальной диагностической точностью экспериментальных измерений, но и глубиной проникновения в описание педагогического смысла полученных результатов, возможностью их тиражирования в массовой школьной практике.

Вместе с тем нельзя бросаться и в другую крайность, ожидая от диссертационных работ рецептурных результатов. Особенно этим грешат педагоги-практики, работники управленческого корпуса системы образования, которые требуют от учёных разработок системы урочных занятий, новых учебных и воспитательных технологий, а не идей, обобщений, методических инноваций. Конечно, практическая ориентация диссертационных работ должна присутствовать как обязательный компонент. Но нельзя забывать и о том, что опытно-экспериментальная работа, обусловившая положительный эффект в одной школе, далеко не всегда может быть повторена в другой, в условиях работы иных педагогов. Поэтому следует помнить слова П.П.Блонского, который утверждал, что лишь идея, а не педагогическая методика передаётся одним специалистом другому.

Есть трудности и с процедурой прохождения уже завершённых исследований, выполненных качественно и по актуальной про-

блематике. В настоящее время соискатель после успешной (даже единоголосной) защиты довольно часто должен готовиться ещё к одной — в экспертном совете, в течение 6 месяцев, а по докторским диссертациям — год, иногда и более. Всё это время он находится в стрессовом состоянии, ожидая окончательного вердикта. Не лучше ли независимую экспертизу проводить до заседания совета по защите диссертаций, а самой защите придавать более публичный характер? ВАК же будет проверять лишь качество оформления документов и процедурные вопросы и значительно быстрее, чем в настоящее время, выдавать соответствующий диплом.

Возвращаясь к координации тематики исследований, следует согласиться с необходимостью определения ключевых, или *генеральных*, направлений, по которым должна развиваться педагогическая наука в определённый промежуток времени. Надо выделить основополагающие, концептуальные линии развития педагогической науки во взаимосвязи с наиболее актуальными и перспективными направлениями совершенствования работы образовательных учреждений. Вполне логично, если по каждому такому направлению будет функционировать республиканская научная школа. На базе этих школ будут создаваться специализированные советы по защите кандидатских диссертаций, необходимое количество которых определит жизнь.

Сопротивление гуш, или Насущная забота педагогической науки

И.В.Морозов

(Институт парламентаризма и предпринимательства)

Система образования является тем сакраментальным пластом культуры, без которого невозможно не то что развитие общества, но и само его существование. Особенно ныне — в эпоху техногенных катастроф, а главное — духовной дезориентации, кризиса в сфере «экологии души» (Д.С.Лихачёв). Учёных, государственных деятелей да и всех тех, кому небезразлична судьба человечества, должен беспокоить уровень культуры, образованности того поколения, которому принадлежит будущее. При этом аксиомой является тезис о том, что образование XXI века немыслимо без фундаментальной педагогической науки и её реализации в образовательной практике.

Именно поэтому актуальным является выступление на страницах главного в системе образования Беларуси теоретическо-

го журнала «Адукацыя і выхаванне» профессора Б.В.Пальчевского со статьёй «Педагогическая наука: тематика, координа-

ция, кадры». Оно побуждает к размышлениям...

Расхожее понимание образования связано с его обязательной, зачастую исключительной ориентацией на знания, добываемые якобы только наукой. Однако сегодня встречается и другое мнение, утверждающее, что сама наука как указание на некую истину — всего лишь сладостная иллюзия «вытаивания» этой самой истины, а все научные теории — «квазимифы». Недаром иногда так легко ниспровергаются научные постулаты, утверждаемые логическими построениями и точными расчётами. Особенно это проявляется в гуманитарной сфере. Сейчас мы всё чаще обращаемся к «наукам о духе», для которых сама постановка вопроса об истине в последней инстанции — нонсенс. Общество различными путями отходит от парадигмы, основанной на противопоставлении «или — или», и приближается к примиряющей парадигме «и — и». Таким образом утверждается не «быть», но «может быть», не тупиковый поиск невозможного, но открытая «возможность возможностей».

Игорь Вячеславович Морозов, кандидат архитектуры, доктор культурологии, профессор, лауреат Государственной премии Республики Беларусь, республиканских и международных архитектурных конкурсов. В на-

стоящее время — первый проректор Института парламентаризма и предпринимательства. Автор около двухсот научных и популярных публикаций, среди них — монографии «Планета дорог» (1992), «Таинственным путём Гермеса» (1994), «Архитектурная герменевтика» (2000), «Основы культурологии. Архетипы культуры» (2001).

Сфера научных интересов — философия и герменевтика культуры, феномен архетипа.

«Пронаучность», а ещё хуже квазинаучность, образования походит на абразивный камень, который шлифует под единую форму, нивелирует знания, угрожая загубить творческую личность. С некоторых пор нас начали убеждать в том, что знание — сила. С этим спорить трудно, особенно когда у молодого человека возвращается некое усреднённое «фаустовское мышление» (Шпенглер), для которого знание — самоцель вне зависимости от его личностной и социальной направленности. Об этом же беспокоится и Б.В.Пальчевский, высказывая в своей статье мысль об аксиологических и целеполагающих истоках недогматического образования, о качестве подготовки управленцев, педагогов, методистов. Особую значимость автор придаёт педагогической науке, но не догматической или политически ориентированной, а раскрепощённой, нацеленной на становление субъектности, духовности и радости познания у человека в любом возрасте, в любом месте его пребывания на Земле.

Иногда образованность становится преградой, мешающей созданию нового, неожиданного. Из-за чёрствости учёности и связанных с ней стереотипов и догм мы перестали удивляться волшебствам жизни. Перестали слышать голос природы и многозначительный зов тишины. Перестали верить поэтам и художникам, сущим пророкам, в том числе и в своём Отечестве. Однако только их творения не боятся времени, ибо невидимыми нитями они связывают былое и грядущее на веретене вечности.

Поэтические миг или вечность не имеют цены в меркантильном выражении, их не оприходуешь, не разменяешь, поскольку они выказываются в ином, как бы перпендикулярном нашему времени. Но мы учим и учимся сами смотреть исключительно вперёд, беззаботно вытаптывая всё, что кротко произрастает под ногами и тянется к небу. На небо мы также не обращаем никакого внимания. Смог городов, выхлопные газы машин (детище нашего знания-силы и псевдозаботы о благополучии) закрывают от нас звёзды, которые некто позаботился зажечь для нас. Мы словно ослепли, попали в западню самоизоляции. Здесь истоки нашего нигилизма, чванства, безразличия. В то время как истое бытие есть бытие-в-мире. Своим нача-

лом, по Хайдеггеру, оно имеет заботу, а «человек *есть* то, чем он занят».

А как можно оценить, хоть и по стобалльной шкале, такой «дар божий», как чувство юмора? У З.Фрейда есть замечательный труд по «технике остроумия». Однако даже доскональное знание этой техники не делает человека остроумным. Остроумие, как отточенная игла, пробивает отверстие в пространстве, через которое просачивается время, и ставшая очевидность сопрягается с переходностью парадокса. Его-то и боится, чуждается догматическая наука, а за ней и догматичное образование, поскольку парадокс преодолевает доктринёрство. Ведь именно «гений парадоксов друг», но никак не посредственность, живущая «по средствам», уповающая на метод и в итоге не умеющая многого, а главное — заботиться.

Древняя мудрость гласит: если ты действительно хочешь помочь кому-нибудь, не давай ему рыбу, а научи её ловить. Иначе говоря, позаботься, чтобы в любой ситуации наша забота не пропала даром. Проработывая внимательно статью Б.В.Пальчевского, мы находим в ней призыв к тому, что и образование должно не давать, а научить самостоятельно улавливать всё, что написано другими, в том числе и между строк. В образовании нежелательно вести поиск уже проторённых дорог и даже необязательно торить их, врезаясь «сквозь», — можно тонко чувствовать бесконечность «между». Именно в этом зазоре возникает вольный ветер перемен и творчества.

А что наш школьник или студент услышит от уткнувшегося в конспект преподавателя в ответ на восторг по поводу первого весеннего дождя?.. По какой шкале оценить эту вспышку человеческого в человеке? Какой учебной программой предусмотрено это у будущих бакалавров, магистров? Об уровне педагогической квалификации говорит в своей статье и Б.В.Пальчевский, обращая на это самое серьёзное внимание читателей. Стоит ли вообще затевать реформу образования — такого, о каком мы начали разговор, — безнадёжно формализованного, бесконечно изобретающего всякого рода системы и шкалы?

Современный преподаватель должен быть сродни заботливому садовнику, а не

столяру, ибо он должен возвращать, заботиться, ухаживать, пестовать, прививать, но **не строгать и пилить**. Воспитание заботливости есть верный шаг к познанию, к обучению, ибо Забота предполагает **знание** как одно из условий непричинения зла. И эта взаимная заботливость, обусловленная сотворчеством и делающая его осмысленным, должна требовать Времени и, значит, считаться со Временем. Со Временем не отнимающим, но дарующим и, следовательно, бесценным. Такое Время важно множить, переживать, но не проводить и тем более не «убивать». Как писал Фрэнсис Бэкон, «в делах наиболее трудных нельзя ожидать, чтобы кто-нибудь сразу и сеял и жал, а надо позаботиться, чтобы они постепенно созрели».

Эта постепенность обязывает жить по особому, «кроткому» закону, утверждающему взаимообусловленную органичность и гармонию, присутствие и сопричастность. Этот закон обеспечивает актуализацию всякой самости в «данном» моменте, в *теперь*, которое вбирает, фокусирует всё «до» и «после», становясь ёмким Временем. Оно требует Заботы, исключительного человеческого отношения, тогда оно станет очеловеченным Временем — эпохой, жизнью. Временем, которое учит с почтением относиться к опыту и мудрости прошлого, с верой в лучшее идти в будущее.

Наша вина и беда в том, что мы забыли, почти разучились заботиться об учениках, лишь отбываем и отделяемся. То есть не привлекаем к себе, но скорее отталкиваем и, по сути, обедняем и обкрадываем сами же себя.

Заботиться — значит не вбивать знания и не пытаться зачётами, а разобраться, где истинные добро и зло. Для этого надо как бы вновь вырастить Древо, исподволь привлечь к нему внимание и подвигнуть своих питомцев, несмотря на запрет кондовых стереотипов, отведать вкус познания и стать «как боги, знающие добро и зло».

А чем озабочен наш преподаватель?..

А учащийся и студент, что заботит их?..

Как часто мы не замечаем, игнорируем эти потаённые заботы и удивляемся, что у нас нечто не получается, будто натываемся на неведомое, метафизическое, духовное сопротивление.

Некогда ослеплённые своими техническими достижениями, увлечённые потребительской гонкой, мы растратили многое из того, что именуется духовностью. Отсюда нравственный кризис, который возник на фоне действительно «впечатляющих достижений» цивилизации — войн, повсеместного распространения наркомании, нигилизма, ксенофобии, депрессий. И здесь не спасает никакая технократическая учёность, образованность в сфере «сопротивления материалов». Безразличие к «сопротивляемости душ» усугубляет чёрствый прагматизм, подталкивает к безоглядной меркантильности. Тревожно видеть, как постепенно мы скатываемся к этому, сокращая гуманитарные дисциплины из учебных планов, ратуя за дистанционное образование. Однако к Учителю, а не компьютеру в конце концов пойдёт кроха, дабы, смотря в живые глаза, узнать, «что такое хорошо и что такое плохо». Так начинается вдохновенное и вдохновляющее творчество. Так зарождается умение Человека быть в мире и преображать его «по своему образу и подобию», в соответствии со своим пониманием добра и зла, исходя из своего духовного сопротивления всему злостному и антигуманному. Поэтому и не столь существенно, как постигается и преодолевается «сопротивление материалов». Важно, что свои привязанности, профессиональные наклонности и таланты люди проявляли и проявляют именно на основе «сопротивления душ» хаосу, злу и несправедливости. Правда, нет шкалы, которая оценила бы такое сопротивление, но великие творцы и гуманисты почитаемы всемирно. Примечательно и то, что прославленные учёные, естествоиспытатели и изобретатели в большинстве своём были также поклонниками искусства, духовной культуры. Они были «озабочены» чуть ли не всем человечеством.

Никогда ещё не удавалось проверить алгеброй гармонию. Но именно гармонию мы, кто откровенно, кто подспудно, ищем для покоя и удовлетворения. «Счастлив не тот, у кого много, а тот, кому хватает». Чувство меры и красоты — ещё один феномен «сопротивления души», которая ненасытно требует ощущения своей уникальности и нужности другим. Так она обнаруживает в себе и выказывает другим свой талант, «един-

ственную новость, что всегда нова» (Б. Пастернак). При каком тестировании найти его?

Истинный педагог должен быть сродни поэту, способному прийти в восторг, очароваться вполне «очевидным» и «повседневным». На этом столетиями стоит традиция восточного воспитания, где урок математики может прерваться, лишь только за окном ветерок понесёт лепестки сакуры, и учитель поспешит вместе с учениками на улицу, дабы насладиться извечным. А чем озабочены наши рядовые преподаватели? Хватит ли у них «сопротивления душ», чтобы не «отрабатывать», а преподавать, не прислуживать, а одаривать, сеять доброе и вечное, всячески заботясь о всходах.

«Что же тогда, когда профессор ещё сверх того облечён школьной методой, схоластическими мёртвыми правилами и не имеет даже умственных сил доказать их; когда юный, развёртывающийся ум слушателей, начиная понимать уже выше его, приучается презирать его? Тогда даже справедливые замечания возбуждают внутренний смех и желание действовать и уметь наперекор; тогда самые священные слова в устах его... превращаются для них в мнения ничтожные. Какие из этого бывают ужасные следствия, это видим, к сожалению, нередко». (Н. Гоголь.) Не зря Б. В. Пальчевский призывает нетрадиционно и при этом научно обоснованно готовить педагогов для системы высшего образования, где преподаватель должен быть настоящим Педагогом, в душе которого всегда найдётся место состраданию, пониманию, нетрадиционности и свободе, даже в изложении «сухих» учебных дисциплин.

Что ж, предложение коллеги — насытить все более-менее солидные образовательные структуры учёными-педагогами высшей квалификации — вполне оправданно. Только где взять эти многолюдные полки? Ведь профессора не армейские рекруты времён всеобщей мобилизации. Однако дело, по сути, даже не в их количестве. Любой кандидат, доктор наук — только учёный со всеми свойственными ему амбициями, и вовсе необязательно истинно заботливый и профессионально подготовленный Педагог. О том, каким быть педагогу высшей школы, можно спорить долго. Не исключено, что самым

«никудышным» преподавателем в своё время считали Л.Витгенштейна, лекции которого, непонятные большинству студентов, проходили почти в пустых аудиториях. Но те из учеников, что остались внимать философу, впоследствии выросли в знаменитых его последователей. К Ландау или Королёву и я, в их проблемах дилетант, пошёл бы хоть разок на лекцию. Ведь само общение с Личностью, восприятие её творческой ауры — уже великая педагогика, подвигающая к собственным изысканиям, к тому, что мы называем самообразованием (не путать с дистанционно-отстранённым).

Возможно, сегодня стоит говорить не о массовом многоступенчатом, а об элитарном образовании — не по стоимости обучения, а по возможности внимать великим, знаменитым, заслуженным учёным. Актуален разговор и об особой методике преподавания гуманитарных дисциплин. Здесь надлежит не просто излагать хронологию неких событий, но показывать их всеобщую причинность и взаимосвязь. «Мир должен быть представлен в том же колоссальном величии, в каком он являлся, проникнутый теми же таинственными путями промысла, которые так непостижимо на нём означались» (Н.Гоголь). Тогда и мы, белорусы, как неотъемлемая часть этого всеобщего величия, начнём уважать себя и разбираться в особенностях нашей Самости. Донести эти истины до ученика может только тот, в ком живы Забота и бескорыстное «сопротивление духа».

Итак, перефразируем слова классика: бакалавром, магистром можешь ты не быть, но Человеком стать обязан. Тогда и не понадобятся многие ухищрения, материальные издержки для предотвращения утраты «сопротивления душ». Никакие невзгоды и лишения не страшны тому, кто видит в себе уни-

кальность и творческие способности, а, главное, стремится преодолеть сопротивление инертной массы и возвыситься над ней. Но не для того, чтобы властвовать, а чтобы помочь тем, для кого «духовность» не пустой звук. При этом можно сравнивать себя с могучим деревом, ветви которого, дабы устремиться ввысь, должны иметь мощный ствол, прочно, глубоко укоренённый в родной земле. Для нас это означает признавать и чувствовать своё духовное родство с дальними пращурами, слышать их извечный зов. Этот уникальный ментальный феномен аккумулируется в образе-понятии *мой Дом*, «родны кут», которое наш соотечественник благодарно носит в себе всю жизнь и которое иницирует Заботу. Поспешествовать этому — значит озарить учащегося его собственным образованием, творческим зарядом, культурным ростом.

С учётом этого в нашем институте принята своеобразная доктрина, касающаяся не только образовательного процесса или идеологической работы, но всего нашего бытия. Про себя мы называем её *домтриной*, поскольку сущность её можно выразить следующей триадой: «Мой дом — мой институт — моя страна». Она подразумевает создание особой атмосферы, способствующей осознанию студентом себя как неотъемлемого элемента в судьбе семьи, учебного заведения, народа. В итоге образование студента начинает заботить его, и не только в личном плане. Внедрение новых образовательных технологий направлено на поощрение этой озабоченности. Естественно, для реализации доктрины преподавателям тоже приходится перестраиваться. Ощущается нехватка педагогов новой формации. Следовательно, для педагогической науки открываются новые горизонты, новые предметы Заботы.